

ПРАВО, СОБСТВЕННОСТЬ, СВОБОДА

В обществе не существует демократии, если нет демократии экономической.

Рынок как пространство, в пределах которого происходит регламентированный законом эквивалентный обмен деятельностью и ее продуктами между свободными производителями, является демократическим механизмом. Полноправным агентом рыночных отношений может быть только автономный собственник, носитель частного интереса, наделенный такими же правами, как и его контрагенты. Данное определение рынка - идеальная модель. На практике существует и неэквивалентный обмен, и размытость прав собственности, и асимметрия информации, которые ведут к ограничению свободы производителей и несовершенству рыночных механизмов. Тем не менее это не снижает ценности представлений о рынке как демократическом механизме.

Рынок, естественно, не готовый демократический механизм, но это механизм, развитие которого достигается только через утверждение демократических норм. Как отмечал Н. Бердяев, демократия зависит от внутренней способности к самоуправлению. Никакими внутренними «взвешиваниями» ее создать нельзя. "Демократия есть уже превращение хаотического количества в некоторое самодисциплинированное качество"[1]. Рыночные механизмы в своей основе есть механизмы самоуправляющиеся, предполагающие принятие решений автономной, независимой личностью. "Самодисциплинированная" личность есть результат длительной эволюции рыночных отношений.

Роль права в данном процессе высока. Правовые нормы - это наиболее адекватная рынку форма социальной регуляции. Право как нормативная форма выражения формального равенства фактически различных людей подразумевает их свободу и независимость друг от друга. Свобода есть важнейший конституирующий фактор определения права. И хотя между ними всегда были и есть глубокие противоречия, нарушающие их зыбкое равновесие, через идею свободы можно осмыслить многие правовые проблемы. Право должно стать действенным инструментом свободы, фактором защиты самоуправления, индивидуальной и коллективной самостоятельности.

Взаимосвязь права, свободы и собственности и является предметом исследования данной статьи.

По определению Ф.А. Хайека, "... свобода как политический институт возникла не из "стремления людей к свободе" в смысле избавления от ограничений, но из их стремления отгородить какую-то

безопасную сферу индивидуальной жизни"[2]. Эти правила сужают выбор средств, но необычайно расширяют выбор целей, успеха в достижении которых каждый волен добиваться. Ограничения, правила игры могут выступать в самых различных формах обычаев, традиций, моральных и религиозных установок, нормах права. Но ясно одно, что представление о свободе при отсутствии ограничений не привело бы к раскрытию данного понятия. Такое представление о свободе присутствует уже в определении Вольтера ("свобода - это когда я могу делать все, что хочу"), в заявлении Бентама ("всякий закон есть зло, ибо всякий закон есть нарушение свободы"), в тезисе Б. Рассела о свободе как "отсутствии препятствий для осуществления наших желаний". Свобода, понимаемая как отсутствие ограничений, означает, что всеобщая свобода недостижима. Юм был первым, кто утверждал, что максимум свободы для всех требует равных ограничений для каждого.

Лишь отгородив экономически безопасное пространство, индивид получил возможность самостоятельно решать как использовать те или иные конкретные формы, руководствуясь своими знаниями и ожиданиями. Ограничения служат положительным основанием свободы.

Появление и становление той или иной нормы как устойчивой модели поведения есть результат естественного социального отбора. Приживалась та норма, которая позволяла с наименьшими издержками воспроизводить расширенный порядок. Норма самоуправляющимся путем становилась внутренним побуждением, посылкой деятельности. "По пути приспособления ведет человека не разум, не врожденное естественное добро, а только горькая необходимость подчиняться неприятным ему правилам, чтобы сохранить себя в борьбе с конкурирующими группами, которые уже начали расширяться благодаря тому, что раньше натолкнулись на эти правила".

Идея о сознательном конструировании таких правил, норм широко распространена и имеет давнюю историю. Со времен Платона, Аристотеля, стоиков и Цицерона существует вопрос: что есть суть закона? Акт воли или акт интеллекта? Закон - это убежденность или акт власти, внутреннее побуждение или внешнее проявление? Как в европейской, так и в российской интеллектуальной традиции всегда были представители первого и второго подходов. Обращаясь к историческим судьбам реформирования России, а затем и Советского Союза, следует отметить, что эта тема была предметом активного обсуждения как русской философией права конца XIX - начала XX веков, так и общественным сознанием российского общества в связи с выходом сборника "Вехи".

Сторонники "естественного права" - Б. Кистяровский, П. Новгородцев, П. Струве - рассматривали закон как абсолютную и непреходящую самоценность. Сторонники "позитивного, исторического права" видели в законе исторически преходящее средство, приложимое к той или иной ситуации, лишь инструмент

государства как единственного правотворящего органа. Опыт России показал, что это не праздный теоретический спор. Его разрешение имело бы огромную практическую значимость, т.к. выявило бы права и границы допустимой деятельности человека и государства.

Российская интеллигенция начала века не смогла в своем большинстве преодолеть рационалистическое мировоззрение. Представление о всеисилии человеческого разума и возможности сознательного конструирования новых начал общественной жизни привели к идее коммунизма и революции.

В теории советского права данное представление сохранило свою преемственность. Нигилизм по отношению к праву в 20-е годы и в начале 30-х годов был по существу сохранен в последующий период и модернизирован в юридико-позитивистском духе. Советское право стали трактовать как совокупность приказных норм и установлений. Критика этого подхода берет свое начало во второй половине 30-х годов. Однако в условиях тотального господства государственной собственности право ушло в область государственного бытия, оказалось под государством, стало частью его политико-административного инструментария. Вертикальная структура управления народным хозяйством, неразвитость горизонтальных, договорных (или, как принято называть в западной литературе "контрактных") отношений препятствовали становлению правовых начал экономической жизни. Это обусловило технократизацию представлений о праве, отдаление всего юридического, правового на периферию общественной жизни. Право оказалось вне гражданского общества, в изоляции от проблем личности.

Переход от тоталитарной хозяйственной системы к рыночной означает, что исходной, первичной и основной формой правоотношений хозяйствующих субъектов становится договор, а приказ и наказание - вторичным, производным явлением с весьма специфическими задачами и полем приложения. Однако признание договора как первичной основы правовой нормы должно быть дополнено, на наш взгляд, и признанием естественного хода социальной эволюции правовой нормы.

Эволюция института права в постсоциалистических странах представляет собой сложный феномен. Он включает в себе как момент "непрерывности" (наследственности), так и момент разрыва. насаждения "сверху" формальных норм и правил. Момент прерывности доминирует. В трансформирующихся экономиках институт права не явился способом передачи информации во времени в экономической среде. Принятые юридические нормы не прошли, согласно Хайеку, селекцию по критерию жизнеспособности порядка, создаваемого этими правилами. Результатом явились высокие издержки подчинения закону. Таким образом, сконструировав законы, мы еще не создали механизма рыночного регулирования. Принятые законодательные нормы должны пройти естественный путь отбора, подвергнуться

проверке со стороны реальной практики.

Право в системе институтов рыночного порядка занимает одно из важнейших мест. Оно делает поведение индивида понятным и предсказуемым для других, образует рамки, ограничивающие деятельность человека, формирует тот объем экономического пространства, в пределах которого индивид решает проблему свободного выбора наиболее эффективного варианта поведения,

Масштабы экономического пространства, подчиняющиеся хозяйственной воле личности, определяются всей совокупностью экономических прав, доминирующую роль среди которых занимают права собственности.

Собственность можно определить как право на определенную форму контроля над разнообразными средствами производства. Изначально, в римском праве, как известно, доминирующую роль играли права владения, пользования, распоряжения и перехода вещи по наследству. С развитием рыночных отношений право собственности усложняется. К уже известным правам добавились, например, право на доход, возникающий в результате использования или управления объектом собственности; право на безопасность, гарантирующее от экспроприации; право на защиту от отрицательных последствий использования вещи, иными словами, отрицательных эффектов, возникающих при использовании вещи. Эти и другие полномочия составляют сейчас полное определение права собственности как совокупности властных прав. Так, дробная классификация прав собственности по А. Опоре включает 11 правомочий: право владения, право пользования, право распоряжения, право на доход, право на капитальную стоимость, право на безопасность, право на наследование, бессрочность, запрещение вредного использования, ответственность в качестве взыскания, остаточный характер [4]. В англосаксонской традиции право собственности рассматривается как определенная совокупность частичных правомочий. Она может укрепляться путем добавления (спецификации) все новых и новых прав и ослабляться путем отделения от нее некоторых правомочий или размывания прав собственности. Результатом размывания и спецификации прав собственности является усложнение процесса обмена, рост издержек, связанных с обменом, т.е. передачей прав собственности. На наш взгляд, эта идея является плодотворной как для исследования этапа становления рыночных отношений, так и анализа эффективных правовых механизмов регулирования рынка.

Постсоциалистические страны получили в наследство "размытые" права собственности. Государство до последнего времени выступало практически единственным правосубъектом средств производства. Приватизация привела к возрастанию издержек права собственности как самого государства, так и отдельных лиц и предприятий. При этом широкое распространение получило действие вне закона, нелегальная деятельность. Причины ее активизации

заложены в высокооой цене подчинения закону, слабости институтов правового государства, неразвитости правового сознания. В любой деятельности люди дважды определяют свое положение к законопослушанию: когда они ее начинают и когда решают вопрос о продолжении деятельности. Соответственно, существуют как издержки доступа к деятельности в рамках закона, так и издержки ее продолжения. Так к издержкам доступа к деятельности можно отнести затраты на регистрацию фирмы, затраты на оплату услуг государственным чиновникам, размер уставного фонда. Цена продолжения легальной деятельности определяется уровнем налогов, затратами на охрану собственности, затратами на перерегистрацию фирмы и т.д. Величина затрат может быть настолько велика, что заставляет предпринимателя действовать на грани закона, или часть деятельности и доходов от нее скрывать от закона, или действовать нелегально.

Слабость институтов правового государства в странах СНГ проявляется прежде всего в доминировании исполнительных органов над другими ветвями власти. В этих условиях правовые институты имеют явно меркантилистский характер и нацелены не на защиту интересов большинства граждан, расширение доступа к рынку, а на поддержание отдельных лоббирующих отраслей. М. Олсон отмечает, что после падения коммунизма общества, в которых начались трансформационные процессы, заполонили мощные лобби, которые представляли собой крупные предприятия и промышленные объединения, унаследованные от прежнего режима. С другой стороны, рост давления государства в экономической сфере заставляет граждан в стремлении минимизировать уплачиваемую государству дань искажать информацию о своих производственных возможностях и доходах, уходить в теневую экономику, объединяться в разного рода неформальные коалиции против принудительной власти. Общество в итоге превращено в арену борьбы между старыми и новыми коалициями; все коалиции движимы корыстными интересами, преследуют цель установления монопольного контроля над ресурсами и рынками, активно лоббируют свои интересы в новых коррумпированных властных структурах [5].

Это означает, что законы работают в пользу небольших групп с особыми интересами. Крупные финансово-промышленные группы, естественные монополии уходят из-под контроля закона, их действия становятся надзаконными. Ярким выражением данной ситуации в экономике России явилась практика казначейских налоговых освобождений, явившаяся фактором экономической дестабилизации. В этом случае было утрачено одно из неотъемлемых свойств закона быть всеобщей мерой, равным для всех масштабом свободы.

Слабость правовых институтов проявляется и в том, что они не способны защитить экономические права граждан. Так, право граждан на получение денежного вознаграждения по результатам труда

выступает в искаженных формах натуральных выплат, выплате так называемой потребительской корзины, не отражающей реальной стоимости жизни, либо в длительных задержках выплаты вознаграждения, не индексируемых с учетом инфляции за период отсрочки.

Слабость правовых институтов государства, доминирование исполнительной власти, неразвитость гражданского общества и его неспособность противостоять органам исполнительной власти вкупе с наследием прошлого определяют правовой нигилизм. Его проявлениями является не только неверие в силу закона, но и пассивность в применении последнего, терпимость к нарушению закона.

Цели, стоящие перед институтом права часто не достигаются. Нарушение правовых рамок экономической деятельности приняло всеобщий характер. Каковы же механизмы принуждения к исполнению правовых норм и почему они неэффективны? Как известно, институциональная теория выделяет сегодня три типа принуждения: во-первых, принуждение через внутреннее ограничение деятельности; во-вторых, через страх перед наказанием за нарушение соответствующих норм; в-третьих, через общественные санкции. Необходимо отметить, что в переходных экономиках ни один из типов принуждения в достаточной степени не реализуется. Данную ситуацию можно объяснить в категориях выгод и затрат: выгоды от исполнения правовых норм меньше затрат, вызванных их исполнением, или иначе говоря, выплаты за нарушение норм меньше выгод от их нарушения. Это объяснение не раскрывает всей глубины проблемы, оно лишь говорит о том, что институт права влияет на величину издержек: производственных и трансакционных.

Отметим, что внутреннее побуждение к исполнению правовой нормы является основополагающим принципом цивилизованного рынка. Еще А. Смит в "Теории морали" отмечал, что базовым институтом цивилизованного рынка являются нормы минимальной взаимности в поведении индивидов ("симпатии"), их способность поставить себя на место контрагентов, принять во внимание его интересы. Сегодня, как отмечают исследователи, симпатии локализованы, предприниматели предпочитают взаимодействовать с партнерами, опираясь на сеть знакомств. Низкая дисциплина контрактов порождает дополнительные затраты, связанные с необходимостью защитить свои права и интересы, либо минимизировать их путем поиска партнера не по критерию способности предоставить нужную услугу или товар по наименьшей цене, а по критерию связей или родства. Следствием является снижение эффективности сделки с обеих сторон, взаимное нарастание затратности.

Что может быть выходом из этой тупиковой ситуации? На наш взгляд, это превращение государства в подлинного арбитра, одна из

главных функций которого защита контрактов, принуждение к исполнению абстрактных правил с тем, чтобы защитить от насилия или вмешательства в сферу экономического пространства индивида. Для того, чтобы эффективно выполнять эту функцию, государство должно стать правовым, нормоограниченным.

Таким образом, становление и развитие рыночных отношений предполагает наличие такого политического института как свобода личности. Последняя возможна только при равных ограничениях для каждого индивида, что предполагает функционирование и селекцию формальных правил и неформальных ограничений. Эффективное хозяйствование обуславливает необходимость реализации в трансформирующихся экономиках права собственности, занимающего доминирующее положение среди других экономических прав.

Упрочение института права лежит на пути, во-первых, развития контрактного права. Необходимо ускорить принятие нового гражданского кодекса. При этом в него должны быть включены юридические нормы, прошедшие "отбор" во времени; во-вторых, расширить степень свободы, допускаемой обществом, что позволит интенсифицировать процесс селекции правовых норм. Лишь максимально расширив круг лиц, вовлеченных в предпринимательскую деятельность, можно создать условия для эффективной эволюции института права, формирования правового сознания и превращения права в норму внутреннего ограничения деятельности.

1. Бердяев Н. Судьба России. - Родина. - 1989. - N2. - С. 65.
2. Хайек. Ф.А. Пагубная самонадеянность. - М.: Новости, 1992. - С.88.
3. Хайек. Ф.А. Указ.соч. - М.: Новости, 1992. - С.134.
4. Капелюшников Р. Что такое право собственности? - Как это делается. Финансовые, социальные и информационные технологии. Исследования и разработки. Вып. 3. - М., 1994. - С. 12-18.
5. Олсон М. Рассредоточение власти и общество в переходный период. Доклад на конференции "Реформы в России: установившиеся интересы и практические альтернативы. - М.: ИЭПП, 1995.
6. Ольсевич Ю. "Желтое колесо" (механизм социально-экономической трансформаций). - Вопросы экономики. - 1997. - № 5.